

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Образ гор в традиционных представлениях некоторых народов Дальнего Востока

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2007

Горы всегда привлекали внимание людей своей мощью, величием и несокрушимостью. Они служили олицетворением неизменности законов природы и ее вечности (*горы* недвижны и неизменны в течение тысячелетий), а также красоты. Вокруг них менялись ландшафты, появлялись и исчезали цивилизации, но они оставались неизменными в своем величии. Наряду с другими священными местами (реками, лесами и т.д.), в которых люди чувствовали связь с верхним миром, *горы* всегда пользовались особым почитанием. Для культур дальневосточного региона *гора* является наиболее распространенной трансформацией мирового дерева, соотносится с «мировой горой» как центральной осью космического пространства, с «центральной пики» (*горами Суншань*), одновременно воплощая собой и всю пятичленную космологическую модель, с волшебными *горами Куньлунь* или островами бессмертных *Пэнлай* (см. об этом [Кравцова 2004: 368]).

Из элементов ландшафта в корейской образной системе абсолютное предпочтение отдается горным и водным образованиям, что было предопределено особенностями естественной среды обитания корейцев: значительная часть территории Кореи приходится на горную местность. Придание особого статуса *горам* свидетельствует о той роли, которую они играют для корейцев. Особый трепет на Дальнем Востоке вызывали *горные духи*. *Горный дух* считается самым уважаемым и могущественным в шаманском пантеоне. Каменные рукотворные холмы, встречающиеся на многих горных дорогах и исполняющие, по преданию, желания людей – это дань этому духу. В *горах* корейцы молятся, совершают обряды жертвоприношения, так как «жертвоприношения в честь *гор и рек* – не что иное, как дань уважения созидательному духу природы, воспаряющему и ниспадающему» [Ким Си Сын 1972: 86].

Географическая реальность *горы* была осмыслена в древних верованиях, мифологических и философских представлениях. Мифологические функции *гор* в корейской ментальности многообразны. Во все времена именно с *горами* связывалось место пребывания божеств. Вера, что божества обитают на *вершинах гор* или используют их для явления сво-

ей сущности, присутствует и в Корее. Например, *горы Кымгансан* считаются обителью небожителей, их называют «двенадцать тысяч вершин» (см. об этом [История цветов 1991: 466-467]). Во многих корейских мифах первопричина рождения героя находится на небе, но само место рождения почти всегда локализуется в земном пространстве, в пределах Кореи: в мифе о Тангуне, основателе первого корейского государства Древний Чосон, это *гора Тхэбэксан*, о легендарном основателе государства Карак Ким Суро – *гора Пукквиджи*. В мифах *горы*, моря, реки и равнины обычно выступают как творения рук великанов. Например, холмы на острове Чеджудо образовались, по поверью, из пыли от ног Матушки Сонмундэ, хозяйки *горы Халласан*. Считается, что следы пребывания в Корее феи Маго хальми («бабки Маго») сохранились в виде дольменов, *гора же Пэктусан* возникла из экскрементов великана (см. об этом [Самозванцев 2000: 288-289, 291, 295]; [Мифологический словарь 1990: 289, 332]). *С горой* может быть связано и местонахождение царства мертвых: буддийский подвижник Сабок приносит свою умершую мать *на склон горы*, выдергивает дерн, и под ним открывается вход в «иной мир», туда Сабок и уносит мать (см. об этом [Троцевич 1986: 120]).

Горы – место успокоения (по корейским обычаям хоронят, как правило, *на склонах гор*). Государыню Силла – Сондок похоронили *на южном склоне горы*; основатель древнекорейского государства Чосон – Тангун укрылся (умер) *на горе Асадаль* и стал божеством *горы*, государь Тонмён умер и вознесся на небо, а его сыновья похоронили плетку государя *в горе Ёнсан* (см. [Троцевич 1986: 120]). И сейчас в Республике Корея практически *у каждой горы* или *холма* вблизи жилья, можно увидеть округлые холмики могил с памятными гранитными стелами.

Горы, согласно восточной философии, служат воплощением мужского начала мира ян. По дальневосточным воззрениям, все предметы и явления в мире произошли от взаимосвязи светлого начала ян и темного инь. На протяжении тысяч лет этот символ рассматривался, как две противоположные силы во Вселенной, находящиеся в гармонии для достижения баланса:

«И трое великих ответили:// – Заяц – живая тварь, в которой сочетались темное и светлое начала Инь и Ян. Существует закон: недуг исцеляется, когда пять элементов взаимно возникают друг из друга или взаимно друг друга побеждают. *Горы* – светлое начало, вода же – темное начало. Как только проглотишь живую печень, оба начала друг с другом воссоединятся. Тут и наступит выздоровление» [История о верности Чхун Хян 1960: 291].

Горы – часть рельефа. Вместе с реками, морями, пещерами *горы* участвуют в моделировании пространства. В корейской художественной

литературе *горы* – элемент конкретного, реально наблюдаемого, т.е. «физического» пространства». В пейзажных отрывках художественных произведений *горы* предстают в качестве одного из главных элементов пейзажа в случаях, когда рамки пейзажа раздвинуты и пространство обретает глубину:

«Уже туман рассеялся в долине. // Как на картине – *вид далеких гор*. // В беседке над рекой луну встречаю // И напеваю ветерку стихи» [Бамбук в снегу 1978: 182].

Корейцы воспринимают красоту окружающей природы прежде всего через красоту *гор*. *Горы* – предмет восхищения:

«*Вершины скал* и сто закатных красок // Отражены зеркальной гладью вод, // Темнеет лес, журчит родник прозрачный... // И восхищением душа полна» [Бамбук в снегу 1978: 82].

Горы прекрасны независимо от времени суток: утром – «*Гора Красная Крепость* подернута поздним утренним туманом, в зеленых зарослях – весеннее «цветенье ив и прохладный восточный ветер» [Сказание о Чхуньян 2003: 20]; в вечернее время – «*За горную грядку* садится солнце, // И колокольчика чуть слышный звон // У края дальних облаков раздался» [Бамбук в снегу 1978: 162], а также ночью – «*Поднявшись над восточным перевалом*, // Здесь прямо в сердце смотрит мне луна» [Бамбук в снегу 1978: 178].

В корейской литературе *за горами* закрепляется пространственная характеристика. Пространственно *горы* бывают «беспредельно высоки»:

«*Поднялся я на пик горы Тайшань* – // Внизу раскинулось Четыре моря. // Границ не видно и предела нет // Просторам между небом и землей» [Бамбук в снегу 1978: 161].

А также «ограниченно высоки» (см. об этом [Никитина 1994: 116]). Над «ограниченно высокими» *горами* могут быть луна, солнце, облака и небо:

«Луна встает над темными *горами*» [Бамбук в снегу] 1978: 195]; «*Над гребнями гор* всходило солнце» [Золотая птица Гаруда 1994: 131]; «Облака окаймляют *вершину горы*...» [Троцевич 2004: 258]; «Говорят, что *Тайшань* высока, // Но ведь небо-то все-таки выше!» [Корейская... 1956: 153].

За горами закреплена и временная характеристика. В качестве временной характеристики обычно выступает цвет (см. [Никитина 1994: 116]). В дальневосточной художественной литературе *горы* – цветовой образ. С колористической точки зрения, *горы* охватывают собой всю гамму зеленых и синих цветов. Опорными цветами здесь являются:

Зеленый – «*Зеленые горы* глядятся в синий ручей» [Классическая поэзия... 1977: 433]; сине-голубые цвета – «Там, где *синие горы* // За северной стали стеной...» [Ли Бо 2000: 70]; «В жизни не перестаешь лю-

бить четыре вещи: голубые горы, старых друзей, книги в библиотеке и красивые цветы» (цитируется по: [Малявин 1997: 234]; «Лазурные вздымают в небо горы...» [Китайская... 1984: 189]. Среди цветов бирюзовой гаммы: бирюзовый – «Бирюзовые горы вдали» [Китайская... 1984: 110]; изумрудный – «Изумрудные горы, // и поросшая мохом стена» [Китайская... 1984: 238], а также специальный цвет, передающий оперенье зимородка – «Издали гляжу: зимородковый цвет горы...» (цитируется по: [Жданова 1998: 90]).

Горы – «ароматический» образ. Для гор характерна обширная коллекция запахов и ароматов:

«Горы пропитаны пряным духом коричневого дерева, горы благоухают сандалом ...» [Сказание о Чхунян 2003: 22]; «Есть в долине горной орхидея, // естественно хорош ее аромат» [Троцевич 1994: 113].

На Дальнем Востоке в литературе и искусстве горы призваны отображать особенности времен года. Весной горы «покойные и свежие», летом «пышные и зеленые», осенью «лучезарные и чистые», зимой «грустные и поникшие» (см. об этом [Книга Прозрений 1997: 234]. Сезонные изменения, происходящие в горах, нашли отражение в поэтических произведениях дальневосточных авторов:

«О ветер, ты повеял над землей // И растопил снега в горах весенних» [Бамбук в снегу 1978: 43]; «Горы каждой весной цветут...» [Классическая поэзия... 1977: 429]; «Слои облаков неожиданно разошлись и к западу от города Пэкмасан вдруг наполовину открылась вершина горы, сочного зеленого цвета» [История цветов 1991: 450]; «Причудлива в летних горах тишина» [Китайская пейзажная лирика 1984: 29]; «Здесь горные склоны и кручи // иссохшей травой покрыты...» [Бамбук в снегу 1978: 43]; «Гряды осенних гор в лучах закатных // Погружена в речную быстрину» [Бамбук в снегу 1978: 79]; «В селенье горном снег на землю пал, // И замело в горах крутые тропы» [Корейская классическая поэзия 1956: 105].

В межсезонье горы безлюдны, там царит безмолвие, отсутствует какой-либо звук:

«В горах пустынных листья облетели» [Бамбук в снегу 1978: 143].

Как контрастные выступают звуковые образы, призванные оттенить тишину «пустынных гор»: крики кукушки, диких гусей: «Стоит в горах пустынных тишина, // Лишь слышится печальный крик кукушки» [Бамбук в снегу 1978: 128]; «Вот и земли Циньчжоу. Здесь уже осень: горы и реки безлюдны, небо и земля прохладны, печально поникли замерзшие цветы, тоскливо кричат пролетающие гуси, подгоняя путников...» [Ким Ман Чжун 1961: 265]; грохот грома: «Пусть даже гром грохочет над горами – // Глухой не слышит ничего вокруг» [Бамбук в снегу 1978: 67],

а также водного потока в ущелье: «Грохочет поток в ущелье меж скал, ставших *гряды за грядой*» [Троцевич 2004: 259].

Иногда в дальневосточной литературе обозначается местонахождение *гор* относительно сторон света:

«*На северных склонах, // белея, лежат облака...*» [Китайская... 1984: 24]; «*Правитель Ко свой камышовый домик // Соорудил у Южного холма. // У Южного холма – цветы и месяц, // И сосны, и утесы, и ручьи...*» [Бамбук в снегу 1978: 93]; «*...ночью, при ясной луне, явился ко мне с восточной горы мой возлюбленный...*» [История цветов 1991: 436]; «*За горы западные солнце село...*» [Бамбук в снегу 1978: 65].

Гора – это хозяйственно освоенная территория. Здесь можно вспахать поле: «Этот человек возделывал поле на краю долины *в горах* и потому еду-питье, предназначенные людям, пахавшим поле, погрузил на корову и вошел в долину *в горах*» (цитируется по: [Никитина 1982: 92]); собирать лекарственные травы, каштаны и съедобные корни: «*И на холме восточном нам пора // Уже копать лекарственные травы*» [Бамбук в снегу 1978: 199]; «*В горах много каштанов, и местные жители каждый год запасают их впрок, чтобы прокормиться*» [История цветов 1991: 75-76]; «*Госпожа Сюй отвечала почтительно: //– Я провела почти всю жизнь далеко от столицы, кормилась сбором корней возле горы Белый Лотос*» [Сон... 1982: 548]; охотиться: «*Охотясь, ехали через горы Хэйшань...*» (цитируется по: [Жданова 1998: 140]).

Горы являются частью территории, в пределах которой ведутся военные действия:

«*И тут Ян докладывает: // – Лазутчики донесли, что хан засел в горах Хэланьшань. Места здесь опасные: на северо-востоке монголы, на юго-западе тувани, на западе – логово сюнну. Нам нельзя оставаться здесь долго. Предлагаю при поддержке войск из земель Лунси, Лаовань, Дуньхуань и Цзиньчэн окружить горы и взять хана живым в плен!*» [Сон... 1982: 460].

В корейской художественной литературе *горы* предстают и как элемент «космического» пространства. По мнению Л.В. Ждановой, *горы и воды* – лишь «стартовая площадка» для выхода человека в необозримый космос, ввысь, в пустоту [Жданова 1998: 102-103].

«*Поднявшись [в горы] и приблизившись [к водам], // вышел во Вселенную. // Дорога в скалах // спиралью [уходит] в пустоту*» (цитируется по: [Жданова 1998: 197]).

Горы – символ малой родины:

«*Я уезжаю, о гора Самгак! // Прощайте, воды синие Хангана! // О, как не хочется мне покидать // Родные горы и родные реки! // Увы, настала смутная пора – // Не знаю я, смогу ль сюда вернуться!*» [Бамбук в снегу 1978: 125].

В корейской поэзии *горы* часто представлены в качестве знака «разлучника»:

«Пытаюсь разглядеть, где милый мой, // Но то ли *горы*, то ли облака
// Всю даль далекую мне заслонили» (цитируется по: [Троцевич 2004: 135].

Девушка готова идти вслед за любимым, но чужбина пугает, ассоциируется с внушающей страх грозной природой: бурными реками и *очень высокими горами*:

«Со мною рядом ты – и так далек! // И вот теперь за сотни ли ты едешь. // Там *горы высоки*, там реки бурны – // О них подумать даже страшно мне!» [Бамбук в снегу 1978: 193].

Горы – это и одно из воспоминаний молодости:

«Я вспоминаю молодость свою – // Такую близкую, как день вчерашний: // Игру в чанги и состязанья в силе, // И змеев тех, что к небу поднимал, // И *горы дальние*, где мы бродили, // И «терема зеленые», в которых // Когда-то пил вино и битым был...» [Бамбук в снегу 1978: 210].

В дальневосточной литературе *горы* всегда противопоставлены миру людей как место уединения, отстранения от суетной жизни. *Горы* – граница между миром людей и миром природы, преграда на пути *багряной пыли*, символа мирской суеты (см. об этом [Бамбук в снегу 1978: 289]. Человек добровольно решает бежать из мира людей и находит покой и уединение *в горах*:

«Пусть люди ценят званья и чины, // А мне до этого какое дело? // На хромоногом ослике своем // Домой, *в родные горы*, возвращаюсь. // Внезапный дождь застиг меня в дороге // И пыль багряную с одежды смыл» [Бамбук в снегу 1978: 157].

Горы являются и пристанищем изгнанника, вынужденного покинуть родные места не по своей доброй воле и безмерно от этого страдающего:

«В глухую ночь заезжий двор в Сонджине. // В огромном море волны холодны. // Сижу один светильник догорает, // А родина – за много сотен ли! // За мною – *перевалы Мачхоллёна*, // И страшно думать, как я далеко!» [Бамбук в снегу 1978: 170].

Горы выступают как пространство, где построил свой дом поэт, покинувший мир суеты:

«Здесь приютилась хижина моя – // *На горном склоне, на скале отвесной*»; «В долине Хвагэдона *под горой* // Стоит мой дом, из камыша сплетенный» [Бамбук в снегу 1978: 115, 163].

Там он и живет в согласии с природой и по ее законам:

«*Зеленые горы* – в согласье с природой. // И синие реки – в согласье с природой. // В согласье с природой – и реки и *горы*. // И я – среди них, и

живу, как они. // Согласно судьбе и закону природы // Я тихо состарюсь и жизнь завершу...» [Бамбук в снегу 1978: 149].

С одной стороны, отшельник чувствует себя владыкой окружающей его природы:

«А здесь, всему хозяин, я живу // Среди зеленых гор и синих речек. // По берегу речному в час заката // Один брожу я с удочкой в руке» [Бамбук в снегу 1978: 172].

С другой стороны, отшельник – часть ее, семью и друзей ему заменяет окружающий его мир:

«Земля и небо мне – отец и мать, // Мир окружающий – жена и дети, // Холмы и реки – братья для меня, // А верные друзья – луна и ветер» [Бамбук в снегу] 1978: 166].

В корейских произведениях зачастую идеализируется жизнь на лоне природы, вдали от людей, мирской суеты. Жизнь отшельника полна покоя и блаженства, он счастлив в своем мире, занят созерцанием, размышлением, написанием стихов. В друзья он себе выбирает ясную луну да прохладный ветер.

«Под горой расчистишь местечко и построишь крохотную хижину, крытую травой. На одной половине хозяин – прохладный ветер, на другой – светлая луна. На земляных ступенях плащ и шляпа от дождя так опрятны и чисты. Нигде таких не сыщешь! Журавли курлыкают, в поднебесье фениксы парят. В горах выкопашешь целебную траву, в речке наловишь рыбы. Не блаженство ли?

В синем небе безмятежна ясная луна. И ты, один среди горных вершин и ущелий, затворяешь калитку. Тучки вольные здесь любят свои тени. Эти дивные красоты не имеют себе равных. И ты, подобно тучкам, чужд суете мирской. Кто здесь тебя разыщет?

Минуют холода, и снова потеплеет. Так я угадываю, когда какая наступает пора. Уходят дни, проходят месяцы. Я потерял счет времени.

Там в глуши, где синие реки и зеленые горы, роскошны цветы и густы ароматные травы. Фениксы и павлины перекликаются друг с другом, ведут беседы. Вот это Кленовые скалы. Попугаи, кукушки, иволги наперебой щебечут, заливаются. И в той долине и в другой раздаются пение. На закате под хмельком любишь дивными пейзажами. На вершинах Куньлунь, раздвинув белые тучки, смотришь вниз. Вот гора Тайшань – зеленый дракон, Хуашань – белый тигр, Хэнишань – черная черепаха, еще одна Хэнишань – красный феникс. Реки Сяо, Сян и озеро Пынли служат мне платьем, а реки Хуанхэ и Янцзыцзян – поясом. Красоты реки под Красной стеной воспеваю в стихах. Сиянием месяца в горах Эмэй, хмельной, наслаждаюсь. Лекарственные травы на трех горах священных рву, сколько захочу. Омывшись в водах озера Дунтинху, возвращаюсь в горы. Крутые горы – мне дом родной. Опавшие цветы –

моя постель, и я, блаженствуя, вкушаю покой. Меж деревьев ясная луна – мой близкий друг. Шелест ветра в соснах – приглушенное звучание комунго. На каменное изголовье приклоняю голову и забываюсь. Только бы не разбудило меня журавлиное курлыканье, доносящееся бог весть откуда! Много ли, мало ли времени пройдет, я проснусь и по тропинке каменистой, на посох опираясь, поднимаюсь на *Ханьшань*. Брожу, где вздумается. Белые облака тянутся на тысячу, на десять тысяч ли. На речках – яркий свет луны. Вокруг громоздятся *горы*. Ну прямо «*Три горы* наполовину обрушились у края синего неба. Воды струятся, реку на две разделила Отмель белых цапель». И я, блаженный, обитаю *среди этих гор и рек*. Да предложи мне высший чин, разве я променяю на него эту красоту?!» [Приключения зайца 1990: 338-339].

Горы – олицетворение неизменности. Все в мире преходяще: приходят в упадок города, царства, стареют и уходят из жизни люди, лишь *горы и реки* не подвержены времени:

«Объехал я руины городов // Когда-то процветающего царства. // Все те же *горы* здесь, все те же *реки* – // Но люди прежние ушли навек...» [Бамбук в снегу 1978: 48]; «Наверно, предназначено от века // *Горам зеленым* зеленеть всегда! Не иссыхать ни днем, ни поздней ночью, // Должно быть, предназначено ручью? // О, если бы, как *горы* и ручей, // Мы жили вечно, старости не зная!» [Светлый источник 1989: 342].

Минский литератор Е. Цзыци писал: «Где земля красива, там и люди красивы, а где земля дурна, там дурны и люди. От дыхания *гор* возникает много мужественности, от дыхания озер – много женственности...» (цитируется по: [Малявин 2003: 225]). Эта мысль получила развитие в литературном произведении, где устанавливается ассоциативная связь между *горами*, расположенными в различных частях Корейского полуострова и проживающими там людьми:

«...А ты, верно, собралась взять в мужья какого-нибудь деревенского олуха?!

- Или, по-твоему, столичные женихи не то же самое, что женихи из деревни?

- А как ты думала? – возразил панчжа. – Возьмем к примеру хоть те же *горы*... Столичные – это одно, в провинции – совершенно другое. Вот посмотри: в Кёнсан *горы высокие* и люди там положительные; а в Чолла и *горы никудышные*, и люди тоже дрянцо, одно лукавство; в Чхунчхон *горы приметные*, и люди тех мест приметны по своим талантам. А столичная область?... Все там вокруг волнисто: кончилась *гора Сураксан*, пошли небольшие *холмы*; кончились *цепи холмов*, следом вздымается *гора Чоннамсан*, зеленым драконом раскинулся Вансимни, белым тигром лежит Манни. Словно озеро, широка река Ханган. В устье ее возвышается терраса Медного Феникса, дальше стоят крепкие, будто ли-

тые из металла, крепостные стены, а вокруг них – крепостные рвы с горячей, как кипяток, водой. Это столица наша, наш многодомный Чанань. И тут люди – если уж они хороши, то всем хороши, а если дурны, то до такой степени, что прямо страшно!..» [Корейские повести 1954: 83].

В корейской литературе *утес* отождествляется с негибимым, стойким к жизненным невзгодам человеком:

«*Утес* безмолвный *среди гор* поднялся, //похожий на живое существо. // Но нам, живым, всегда прямыми быть, // Не опираясь на других, непросто. // А он, как встарь, стоит высок и прям, // И лик его от века неизменен!» [Бамбук в снегу 1978: 109].

В корейском искусстве вышивки одним из любимых узоров являются *горы*:

«С громом и грохотом летели обломки парчовых и вышитых ширм, ширмы с нарисованными на них реками и *горами*, большие столы на десять персон...» [Корейские повести 1954: 177]; «Пхэньянские текстильщики выпускают разнообразные декоративные ткани, узор которых как бы повторяет любимые мотивы корейской художественной вышивки. Среди них – *пейзажи Кымгансана*, белые журавли около водопада, павлины и распустившиеся пионы, пятнистые олени среди сосен» [Джарылгасинова 1982: 198].

Особое отношение корейцев к *горам* нашло отражение и в корейском языке. В образовании корейских географических названий активное участие принимают слова: *сан* 'гора', *ган* 'река' и др., «так называемые «номенклатурные термины», которые являются, по мнению А.А. Реформатского, «родовыми обозначениями объектов наименования (озеро, река, море, хребет, ущелье и т.п.)» [Реформатский 1964: 9, 20]. В русских текстах при передаче корейского оронима переводчики сохраняют слово *сан* 'гора', входящее в состав географического названия в корейском языке, и добавляют к корейскому орониму русское нарицательное слово *горы* (ср. *горы Халлассан*, *горы Керёнсан*, *горы Сораксан*, и т.п.) или связанный с этой лексемой тематический ряд слов (*гора: вершина, пики, склон, перевалы, хребты* и др), реже слово *сан* ими опускается (*горы Сорак*, *горы Халла*, *гора Нам*).

Оронимы, которые для носителя автохтонной культуры, как правило, бывают включены в определенный социальный контекст, входят в состав так называемого «культурного фонда» – «комплекса знаний, некоторого кругозора в области национальной и мировой художественной культуры, сведений о прошлом своего народа и т.п., которыми обладает «средний (типичный) носитель той или иной лингвокультурной общности» [Сорокин, Марковина 1989: 42]. Для носителей русского языка корейские оронимы, как правило, «асемантичны».

Наиболее ярко национальная специфика образной системы языка, как нам представляется, обнаруживается в сравнениях. Образные сравнения в дальневосточной литературе, как правило, образуют сложные композиции (см. [Троцевич 1975: 177-178]): «Гвой подвиг выше *горы Тхэсан* и глубже морей и рек!» [История о верности Чхун Хян 1960: 581]. Порой в таких сравнениях присутствует несоответствие масштабов: малое сравнивается с огромным. Подобные гиперболы придают образам черты величия, грандиозности: «сеть, которая могла бы накрыть даже *гору Бэйшань*» [Записки... 1985, 177]; «...счастье...так велико, что по сравнению с ним и моря казались неглубокими, и горы низкими!» [Записки... 1985: 150]; «Да если перечесть твои грехи, *Тайшань горой казаться перестанет и обмелеют реки и моря!*» [История о верности Чхун Хян 1960: 291].

Среди часто встречающихся образов *гора Тайшань*, одна из пяти священных *гор* Китая. *Гора Тайшань* является символом величия в Китае.

На Дальнем Востоке бытует мнение, что *гора Тайшань* обладает огромной магической силой. Божество *горы Тайшань* – судья, перед которым предстают все умершие, а злые духи трепещут от страха. Считалось, что тот, кто возьмет камень с *горы*, станет обладателем магической силы (см. об этом [Сидихменов 2000: 357]).

Тайшань на Дальнем Востоке выступает в качестве критериев оценки морально-нравственных качеств человека, его чувств и эмоциональных состояний, внешности, а также меры вещей и разного рода эталонов.

Гора Тайшань олицетворяет величие человека:

«Теперь вздохнул Юй Суй-чун. – Боюсь, это невозможно: князь Ян – крепкий орешек, хоть и молод, а велик, как *Тайшань*, его одолеть не просто!» [Сон... 1982: 573].

В сравнениях *Тайшань* ассоциируется с непоколебимостью перед лицом врага:

«...Огненный князь был горяч, как огонь, – выждать и хитрить он не умел и потому слал в бой все новые и новые силы. Однако Темудун стоял, словно *гора Тайшань!*» [Сон... 1982: 225].

Гора Тайшань – эталон надежности:

«Она верила вам и надеялась на вас, как на *гору Тайшань*, но вы оказались непочтительным сыном и не вняли ее советам» [Сон... 1982: 431Б].

Оронимы и гидронимы являются эталонами при оценке поведения человека, его поступков (подвиг, благодеяния) или проступков (вина):

«Подвиг твой велик, как *Тайшань*, и глубок, как *Хуанхэ!*» [Повесть о девице Ок 1997: 61]; «Разве все твои благодеяния не выше *горы Тхэсан* и не глубже морей и рек?»; «Нас обоих спасла монахиня Мё Хе, мило-

сти ее необъятны, как гора Тайшань» [История о верности Чхун Хян 1960: 586, 393]; «Моя вина пред тобой, брат, огромна, как горы, и глубока, как моря» [Записки... 1985: 231].

Тайшань – это и мерило милосердия:

«Милосердие ваше – словно гора Тайшань» [История о верности Чхун Хян 1960: 258].

Горы и *моря* представлены в качестве «единиц измерения» такого субъективно переживаемого чувства человека, как любовь, а также его эмоционального состояния.

«И любовь их была выше гор и глубже морей, она была ни с чем несравнима!» [История о верности Чхун Хян 1960: 597]; «В течение семи лет [совместной жизни с супругом] ее счастье было, как гора Тайшань, вместе они делили и горе, и радость и этим отличались от других супругов» [Ссяньчхон кыйбон 1962: 55].

На Дальнем Востоке исключительное значение придавалось форме бровей. Красивые женские брови соотносятся с вершинами гор. В литературе встречается описание десяти видов «изящных» бровей у женщин, среди них брови «горкой» и брови как «пять пиков» (см. [Малявин 2003: 377]):

«Брови ее, изломанные, как вершины гор, окутаны туманом грусти» [Жизнеописание... 1985: 81-82].

Великий Конфуций говорил: «Поднимаясь в горы Тайшань, чувствуешь, что другие горы маленькие». Для корейцев Тайшань – это эталон высоты:

«Тут волны, высотой с Тайшань, взметнулись // Над безднами морскими до небес» [Светлый источник 1989: 408].

Гора Тайшань отождествляется с большим весом:

«Тогда несколько десятков смельчаков с опаской приблизились к тигру и попытались его приподнять, но зверь был тяжел, как гора Тайшань, с места его не сдвинуть» [Сон... 1982: 476].

Гора Тайшань – это также прочность:

«Вековая держава наша едва не погибла по причине легковерия вашего императора, но теперь все позади – благодаря вашей преданности она вновь прочна, как горы Тайшань» [Сон... 1982: 481].

По мнению Троцевич А.Ф., отличительной чертой корейских средневековых произведений является наличие значительного количества устойчивых словосочетаний, созданных китайской культурной традицией посредством мифологических ассоциаций, которые служат знаками (символами) ситуаций, предметов и их качеств. (см. об этом [Троцевич 1971: 126]).

Оронимы отмечены в составе таких устойчивых словосочетаний, назовем их речениями фразеологического характера (далее РФХ). Эти

речения вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных, имеющих референты как в области материальной культуры, так и в области литературы и искусства, тогда как носителю русского языка при отсутствии культурно-исторического комментария невозможно воспринять в полном объеме лексико-семантическую структуру данных речений.

Пояснения к РФХ *искать бамбук в горах Чжушань, а яшму в Ланьтяньских горах* содержатся в самом тексте произведения и находятся в препозиции по отношению к этому речению. В Китае *Ланьтяньские горы* славились необыкновенной по красоте яшмой, а *горы Чжушань* – бамбуком (см. об этом [Ким Ман Чжун 1961]).

«Ей нетрудно отличить ум от тупости, она способна прекрасно разбираться в людях. Иначе говоря, она *«ищет бамбук в горах Чжушань, а яшму – в Ланьтяньских горах»* [Ким Ман Чжун 1961: 84].

Толкование РФХ *уйти в горы Кундуньшань* дается в тексте произведения и стоит в постпозиции по отношению к устойчивому словосочетанию:

«Я собираюсь в самое ближайшее время *уйти далеко в горы Кундуньшань* – хочу отыскать путь к бессмертию и удалиться от мира» [Ким Ман Чжун 1961: 87].

Горы Кундуньшань находятся в провинции Хэнань, где, по преданию, жил бессмертный даос Гуанчэнцзы [Ким Ман Чжун 1961: 371].

РФХ *уйти к горе Цзиншань и реке Иншуй* имеет значение: ‘удалиться в дальние края и стать отшельником’ [Сон... 1982: 745].

«Если госпожа Хуан умрет, я *уйду к горе Цзиншань и реке Иншуй*, дабы искупить свою вину» [Сон... 1982: 510].

Семантика РФХ *подняться на гору Тайшань*: ‘отойти в мир иной, умереть’:

«Когда на престол взошли ваше величество, в стране воцарилось человеколюбие, смягчились нравы, народ обрел покой и благополучие и теперь прославляет ваши добродетели и возносит вам хвалы. Стоит вам *подняться на гору Тайшань*, вы обретете бессмертие и к вам спустится Дракон озера Динху, чтобы вознеслись вы, как некогда Хуан-ди, на небо, где вас будет ждать восьмиглавый скакун с Яочи» («Сон...» 1982, 367).

Горы встречаются в стереотипных вводных речениях, вставляемых для усиления сказанного, в данном случае для выражения категорической невозможности осуществления действия или события:

«Да *скорее обрушится гора Тайшань и высохнет море*, чем Жужоу откажется от Цайгэн и женится на другой девушке, – вздохнул Инь» [Записки... 1985: 148]; «*Только когда рухнет гора Цанушань и иссякнут*

воды реки Сяосян, исчезнут с листьев бамбука и эти слезы» [Корейские повести 1954: 137].

Заметное место в переводных произведениях занимают предложения-клятвы, представляющие собой языковой феномен и являющиеся своеобразными реализациями застывших структурных схем, больше напоминая фразеологизированные выражения. Их значение составляют два семантических компонента: собственно клятвенное заверение и символический компонент (*горы, река, море*). Предложения-клятвы приобретают характер восклицаний, в которых конкретная семантика затушевывается за счет чистой эмоции.

«О торжественном событии мне хотелось бы известить родителей обоих домов, а на прекрасный договор я готов без промедления, *клянусь зелеными дорогами горы Хуаньшань и неиссякаемыми водами реки Вэншуй» [Ким Ман Чжун 1961: 57].*

Обращение *к вечным горам и рекам* в клятвах давало людям уверенность в том, что клянувшийся не нарушит своего обещания:

«Кормилица пообещала и, возвратясь домой, доложила барышне:

– Господин Ян поклялся *горой Хуаньшань и рекой Вэншуй*, подтверждая готовность вступить в прекрасный союз...» [Ким Ман Чжун 1961: 58].

В качестве символического компонента часто используется ороним *Тайшань*:

«...сердце мое дало вечную клятву, такую, как *гора Тайшань, как море» [История о верности Чхун Хян 1960: 93].*

Отметим, что некоторые предложения-клятвы не чужды и современной речи корейцев.

Интерес для исследователя представляет такой стилистический прием, как столкновение в тексте омонимов, вовлеченных в словесную игру. Корейский поэт Ким Саккат намеренно восстанавливает для данного текста связь между названием месяца и названием *горы*. Игра слов строится на попеременном использовании названий осеннего месяца *куволь* (соответствует сентябрю) и *горы Кувольсан* (см. об этом [Троцевич 2004: 217]). Семантическая связь между этими омонимами оборвана и здесь, по нашему мнению, можно говорить об омонимичном каламбуре:

«В прошлом году в девятой луне // ходил *по горам Девяти лун*. // И в этом году в девятой луне // хожу *по горам Девяти лун*. // Каждый год в девятой луне // Хожу *по горам Девяти лун*. // Красота *гор Девяти лун* // длится все девять лун» (цитируется по: [Троцевич 2004: 217]).

Оронимы зарегистрированы в составе корейских пословиц. Именно в пословицах наиболее отчетливо вырисовывается специфика языкового мышления народов и особенности их культур. Эти речения интересны тем, что, несмотря на доступность понимания, они представляют собой

лексико-семантические лакуны, на которых невольно останавливается внимание носителя русского языка, так как даже, понимая смысл предложения, он не может соединить в одно целое явления действительности, являющиеся референтами данных единиц языка: для русского эти явления в действительности и их отражение в языке не образуют единого целого. Русский человек не видит сообразности, ибо этого ему не подсказывает ни языковой опыт, ни бытовые традиции, как, например, в пословицах: Перелетит ли *гору* однодневный голубь? [Лим Су 2003: 114]; Ругать *дальнюю гору* [Тае Hung На 1970: 102]. Или в многочисленных пословицах с оронимами *Тайшань*, *Кымгансан* (*Алмазные горы*), *Пэктусан* (пословицы даются по книге: [Лим Су 2003]): Стоит только раз шевельнуться, даже *Тайшань* валится [Лим Су 2003: 25]; Вздыхает так, что *Тайшань* рушится (131); Жди, пока самый высокий *пик Кымгансан*, не скроется под водой и [над ним] не поплывут облака (136); И ворона с *горы Пэктусан* не забывает родные места (66); [Будем сражаться] пока не обрушится *Пэктусан* и не будет засыпано Восточное море (75) и др.

Лишь некоторые из корейских пословиц, в состав которых входят оронимы, могут быть оценены как не противоречащие языковому и культурному опыту носителей русского языка, хотя они и не представляют собой привычных русскому речений. Так, из предложения: [У него] живот, что *гора Нам* (58) русский, несмотря на непривычное сравнение живота с *горой* и незнание географической реалии, может догадаться, что речь идет о полном человеке, обладателе большого живота.

В иероглифическом письме, которое используют некоторые дальневосточные народы, существует иероглиф со значением «*гора*» (корейск. *мве*), по форме напоминающий *трехглавую гору*. Встречающиеся в русском тексте иероглифы, являясь национально-специфическими элементами, представляют для русскоязычного читателя, не знакомого в достаточной мере с иероглифическим письмом, устойчивые лакуны значительной глубины и трудно поддаются толкованию (подробнее о подобных лакунах см. [Филимонова и др. 2002: 83]). В данном случае пояснения содержатся в самом тексте произведения, в речи его героев, однако отрывок почти не несет информации, доступной восприятию носителя русского языка:

«– А как тебя зовут? – обратился Кунпхёни к другому мужлану.

– Поверни вокруг четыре раза «*гору*», и ты узнаешь, как меня зовут, – ответил тот.

Кунпхёни подумал немного про себя и сказал:

– Если повернуть иероглиф «*гора*» вокруг вершины, то получится иероглиф «поле», который читается «чон». Стало быть, твоя фамилия Чон» [Верная Чхунхян 1990: 179].

Степень лакунированности данного отрывка может быть различной для различных слоев читательской аудитории, поскольку она находится в зависимости от уровня владения восточными языками. Для большинства носителей русского языка эти лакуны остаются незалиминированными.

Образ *гор* буквально насквозь пронизывает дальневосточную мифологию. Однако часто дальневосточные мифы не знакомы носителям русского языка. «Асемантичность» корейских оронимов, встречающихся в этих мифах и легендах, и отсутствие знаний у носителя русского языка в этой области, является препятствием для правильного восприятия ими текста перевода художественного произведения. Оронимы в таких текстах нуждаются в широком толковании.

«Давным-давно славный Цинь Ши-хуан получил нефрит с *горы Цзиньшань* и сделал печать, на которой знаменитым Ли Сы высечено: «Получив повеление Неба, вечно процветаю в долголетьи» [Верная Чхунхян» 1990: 53].

Цзиньшань – *горы* в царстве Чу. С ними связана легенда о некоем Бянь Хэ, который добыл там яшму и преподнес царю, но тот счел ее простым камнем и велел отрезать дарителю ступню. Так же жестоко поступил и его преемник. Только третий царь понял, что это яшма. (См. об этом [Сон... 1982: 739].

В Китае и Корее получила распространение легенда о волшебных островах в Восточном море, где растет чудодейственная трава, которая делает человека бессмертным. Но достичь этих островов никто не мог, так как ветры не позволяли к ним приблизиться. На этих островах находятся *мифические горы Пэнлай, Фанчжан, Инчжоу*, все представители фауны там белого цвета, а дворцы и ворота из золота и серебра. По представлениям древних корейцев и китайцев, в *этих горах* обитали даосы. Вера в их существование была так велика, что при императоре Цинь Ши-хуан-ди (правил в 246-209 до н.э.) была снаряжена экспедиция для розыска этой страны бессмертных (см. об этом [Сидихменов 2000: 165]; [Yves Bonnefooy 1993: 238]). Упоминание *об этих мифических горах* встречается в художественной литературе:

«... император подозвал даоса Голубое облако:

– Говорят, в этом море плавают *Три горы*. Кто-нибудь из смертных побывал на них?

Даос в ответ:

– Чтобы добраться до *Трех гор*, нужно преодолеть десятки тысяч ли, миновать Сяньло, Лана, Фусан и другие страны. *Три горы* находятся на самой середине Восточного моря. Первая *гора* зовется *Пэнлай*, вторая – *Фанчжан*, третья – *Инчжоу*. Со времен Цинь и Хань никто не пытался

добраться до них, но если ваше величество желает, я готов быть проводником» («Сон...» 1982, 380-381).

Существует легенда, которая рассказывает, будто к князю Чу Хуайвану (328-299 до н.э.) во сне явилась фея *горы Ушань* (*гора* находится на востоке провинции Сычуань) и разделила с ним ложе. Прощаясь, она сказала, что будет к нему приходить вечером, выпадая дождем, а утром уходить, поднимаясь в небо в виде облачка (см об этом [Ким Ман Чжун 1961: 375-376]):

«Фея другая на склоны Ушаня//Ночью дождем снизошла к Хуайвану...» [Ким Ман Чжун 1961: 145].

В корейской литературе *горы Ушань* – символ любви, любовной встречи.

Горы часто используются в эмблемах. Эмблема Сеула, принятая к использованию с 28 октября 1996 года, содержит *горы*, солнце и реку Хан, которые по силуэту на эмблеме похожи на танцующего человека. У эмблемы есть и более глубокий смысл: *зеленые горы* – любовь к природе, голубая река – история и энергия, и солнце в центре – видение будущего и надежда на лучшее [Корея. Карманная энциклопедия 2000: 172].

Итак, на Дальнем Востоке отношение к *горам* особое. Как показали исследования, символика *гор* многозначна. *Горы* – это элемент пространства, духовная высота, символ величия, вечности, постоянства. *Горы* – это часть рельефа. Они также входят в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина мира природы. *Горы* – один из главных элементов дальневосточного пейзажа, они являются знаками разных времен года. В корейском и китайском стереотипном мышлении *горы* олицетворяют мужское начало ян. Это и место, где проводятся похоронные обряды, а также ритуалы, связанные с жертвоприношением. *Горы* – граница между миром людей и миром природы, преграда на пути *багряной пыли*, символа мирской суеты. Они являются эталоном высоких морально-нравственных качеств (милосердие, надежность и др.), поведения человека: несгибаемый, решительный человек (*утес*), непоколебимый, неустрашимый перед лицом врага (*гора Тайшань*), его внешности (брови – *горные кряжи*), а также вместе с реками и морями «единицами измерения» субъективно переживаемых чувств человека (любовь) и его эмоционального состояния (счастье). *Горы* у народов Дальнего Востока служат эталоном при определении веса, высоты, размера, а также количества чего-либо (*горы Тайшань*). *Горы* используются в составе эмблем (эмблема Сеула), на поздравительных открытках (символ постоянства). С оронимами (*Тайшань*, *Ушань*, *Кымгансан* и мн.др.) связаны многочисленные мифы, легенды, предания и поверья, образовано большое коли-

чество речений фразеологического характера, пословиц и поговорок. Для носителя русского языка большинство этих речений представляет собой лексико-семантические лакуны. Лишь некоторые из них, в состав которых входят оронимы, могут быть оценены как не противоречащие языковому и культурному опыту носителей русского языка, хотя они и не представляют собой привычных русским людям речений.

В Корее форма близлежащей *горы* с давних времен учитывалась геомантами при выборе места для жилья при закладке населенного пункта. Прогулки в *горах* (тынсан) – излюбленный национальный вид отдыха и туризма, особенно популярный среди людей старшего поколения. По данным неофициального опроса, проведенного автором среди многочисленной студенческой аудитории, большинство все же предпочитает отдыху в *горах* поездку на море, а подъем в *горы* считает утомительным и малоинтересным занятием.

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука, Гл. ред. восточ. литер., 1978.
- Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Джарылгасинова Р.Ш. Слово о стране утренней свежести // Глазами этнографов. М.: Наука, 1982. С. 180-199.
- Ду Фу. Сто печалей. СПб.: Кристалл, 2000.
- Жданова Л.В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998.
- Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- Зайчиков П.Т. Корея. М.: Географиз, 1951.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей / Пер. с корейск. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
- История цветов. Корейская классическая проза / Перевод с ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1999.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
- Ким Си Сын. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Книга Прозрений / Сост. В.В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
- Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Корея. Карманная энциклопедия / Сост. С.В. Волков, Т.М. Симбирцева. М.: Изд. Дом «Муравей-Гайд», 2000.
- Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб.: Изд-во «Лань», 1999.
- Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Изд. «Лань», «ТРИАДА», 2004.
- Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: Кристалл, 2000.
- Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.
- Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
- Малявин В.В. Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М.: Наталис, 1997.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – Вып. 35. – 148 с. ISBN 978-5-317-02164-1

- Малявин В.В.* Сумерки Дао. М.: Издательство «АСТ», 2003.
- Мифологический словарь / Гл.ред. *Е.М. Мелетинский*. М.: Российская энциклопедия, Лада-Маком, 1992.
- Никитина М.И.* Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.) СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
- Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Гл. ред. Восточной литературы, 1982.
- Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун (V-XIII вв.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Повесть о девице Ок // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 2. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. С. 44-67.
- Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 288-322.
- Приключения зайца // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 327-360.
- Предания гор Кымган. Пхеньян: Изд-во литер на иностр. яз., 1990.
- Реформатский А. А.* Топомастика как лингвистический факт // Топомастика и транскрипция. М.: Наука, 1964. С. 9-34.
- Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Самозванцев А.М.* Мифология Востока. М.: Алетея, 2000.
- Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Издательство «Правда», 1989.
- Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
- Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000.
- Симбирцева Т.М.* Корея на перекрестке эпох. М.: Муравей-Гайд, 2000.
- Сказание о Чхунян. М.: Бонфи, 2003.
- Сон в нефритовом павильоне. М.: Худож. литер., 1982.
- Сон Хён.* Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып. 5. С. 25-109.
- Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Аспекты изучения текста. М.: УДН, 1981. С. 93-101.
- Сорокин Ю. А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М.: ВИПКРП, 1989.
- Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
- Трессидер Джек.* Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001.
- Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.
- Троцевич А.Ф.* Корейский средневековый роман «Облачный сон девяти» Ким Манджуна. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1986.
- Троцевич А.Ф.* Символы в языке корейской средневековой повести // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. № 6. М.: Наука, 1971. С. 122-126.
- Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.: Художественная литература, 1991.
- Филимонова Е.Н., Пак Сон Гу.* Конфронтативные лакуны изобразительного типа в русских текстах // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. С. 80-89.
- Черепашовый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Kim Tae-kil.* Values of Korean People Mirrored in Fiction. Vol. 1. Seoul, ROK: Dae Kwang Munwhasa, 1990.
- Tae Hung Ha.* Maxims and Proverbs of Old Korea. Seoul: Yonsei University Press, 1970.
- Yves Bonnefoy.* Asian Mythologies. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.